

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ СТАТЬЯ

<https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2026-3-5>

УДК 339.5

JEL F02

Л. В. Шкваря ^{а)}, Е. Л. Андреева ^{б, в)}, С. С. Красных ^{а)}^{а)} Российский экономический университет им. Г. В. Плеханова, г. Москва, Российская Федерация^{б, в)} Институт экономики УрО РАН, г. Екатеринбург, Российская Федерация

Российско-китайское сотрудничество как инструмент обеспечения устойчивого экономического роста Большой Евразии в условиях глобальной турбулентности¹

Аннотация. В условиях усиления глобальной турбулентности актуализируется необходимость исследования роли взаимодействия России и Китая в обеспечении стабильности и устойчивости экономического роста в Большой Евразии. Цель статьи — обосновать роль российско-китайского сотрудничества в качестве важнейшего инструмента обеспечения устойчивости Большой Евразии в условиях происходящих глобальных трансформаций. Выдвинута гипотеза о том, что российско-китайское взаимодействие приобретает системообразующую роль в обеспечении устойчивости межстрановых, евразийских и глобальных процессов. Исследование основано на данных ЮНКТАД за 1992–2024 гг., включающих показатели валового внутреннего продукта, экспорта, импорта и товарооборота мира, России, Китая и стран Большой Евразии. Для оценки изменений использованы методы анализа динамики и структуры макроэкономических и внешнеторговых показателей, сравнительный анализ, периодизация этапов развития российско-китайского сотрудничества после 2014 г., а также ARIMA моделирование для прогнозирования динамики валового внутреннего продукта до 2030 г. Установлено, что развитие российско-китайского сотрудничества прошло три этапа: адаптация к санкционному давлению (2014–2018 гг.), расширение взаимодействия в условиях пандемии (2019–2021 гг.) и углубление кооперации в условиях санкционных ограничений (с 2022 г.). Выявлены ключевые направления стабилизирующего воздействия: развитие торговых связей, формирование альтернативной финансовой инфраструктуры, расширение транспортно-логистического взаимодействия и технологической кооперации. Согласно результатам сценарного прогнозирования, вклад российско-китайского сотрудничества и евразийской интеграции в мировую экономику к 2030 г. варьируется по трём сценариям. Оптимистичный сценарий предполагает усиление интеграционных процессов и формирование более полицентричной структуры мировой экономики; инерционный сценарий характеризуется сохранением текущих тенденций роста при ограниченном использовании интеграционного потенциала; пессимистичный сценарий связан с усилением фрагментации мировой экономики и снижением темпов экономического развития. Результаты исследования могут быть использованы при развитии двустороннего взаимодействия России и Китая и их многостороннего сотрудничества со странами Большой Евразии.

Ключевые слова: Россия, Китай, Большая Евразия, международное сотрудничество, экономический рост, глобальная турбулентность, трансформация, экономическая безопасность

Для цитирования: Шкваря, Л. В., Андреева, Е. Л., Красных, С. С. (2026). Российско-китайское сотрудничество как инструмент обеспечения устойчивого экономического роста Большой Евразии в условиях глобальной турбулентности. *Экономика региона*, 22(3), 533–551. <https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2026-3-5>

¹ © Шкваря Л. В., Андреева Е. Л., Красных С. С. Текст. 2026.

RESEARCH ARTICLE

Lyudmila V. Shkvarya ^{a)}, Elena L. Andreeva ^{b)}, Sergey S. Krasnykh ^{c)}^{a)} Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russian Federation^{b, c)} Institute of Economics of the Ural Branch of RAS, Ekaterinburg, Russian Federation

Russian-Chinese Cooperation for Sustainable Economic Growth in Greater Eurasia amid Global Turbulence

Abstract. Amid increasing global turbulence, Russian–Chinese cooperation is becoming increasingly vital for stability and sustainable growth in Greater Eurasia. This article substantiates its role as a key tool for ensuring the region's resilience. The central hypothesis is that this cooperation is becoming a key stabilizing force in sustaining cross-country, Eurasian, and global processes. The study draws on UNCTAD's statistical database to analyse macroeconomic and foreign trade indicators in comparable value terms. Using economic, statistical, logical, and comparative analysis, it examines the dynamics and structure of key foreign trade metrics for the world, Russia, and China. It also identifies stages in the development of Russian–Chinese trade and economic relations since 2014 and outlines how this cooperation exerts a stabilising effect and supports resource security in Greater Eurasia. Forecast scenarios for economic growth (world, Greater Eurasia, Russia, and China) were developed using ARMA and ARIMA models applied to annual GDP time series. The forecasts rely on UNCTAD data from 1992 to 2024, which enhances the stability of model parameter estimates and accounts for different market phases before and after 2014. Scenario projections show that the contribution of Russian–Chinese cooperation and Eurasian integration to the global economy by 2030 varies across three scenarios. The optimistic scenario envisages a shift towards a more polycentric order based on a coalition of Greater Eurasian economies. The findings can inform both bilateral cooperation between Russia and China and their multilateral engagement with Greater Eurasian countries.

Keywords: Russia, China, Greater Eurasia, international cooperation, economic growth, global turbulence, transformation, economic security

For citation: Shkvarya, L. V., Andreeva, E. L., & Krasnykh, S. S. (2026). Russian-Chinese Cooperation for Sustainable Economic Growth in Greater Eurasia amid Global Turbulence. *Ekonomika regiona / Economy of regions*, 22(3), 533–551. <https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2026-3-5>

Введение

Мировая экономика переживает период комплексной трансформации и формирования основ нового миропорядка. Этот процесс идет под влиянием отдельных центров силы, со стороны США во многом за счет политического, экономического, торгового давления, экспансии, военной силы и конфликтов, т. е. намеренного усиления нестабильности мировой экономики и ее регионов, в том числе Евразии. России и Китаю как важнейшим мировым акторам невыгодна препятствующая социально-экономическому развитию разбалансированность и нестабильность. Поэтому в условиях усиления глобальной турбулентности актуализируется необходимость исследования роли взаимодействия России и Китая, оказывающего влияния на устойчивость, в том числе в Большой Евразии, с учетом разной степени вовлеченности и «тандемности» РФ и КНР. Цель исследования — обоснование роли российско-китайского сотрудничества в качестве важнейшего инструмента обеспечения устойчивости на евразийском пространстве в условиях происходящих глобальных трансформаций. Гипотеза заключается в том, что сотрудничество Китая и России приобретает системообразующую роль в обеспечении стабильности межстрановых, евразийских и глобальных процессов.

Обзор литературы

Мировое научное сообщество активизировало исследования проблем растущей глобальной нестабильности и её влияния на динамику социально-экономических показателей по миру, отдельным странам и их группам (Çela & Hysa, 2021; Derkenbaeva et al., 2025). Современная ситуация в глобальной экономике и политическом ландшафте характеризуется рядом авторов как разноплановый кризис (Karmakar et al., 2024; Morales et al., 2025; Stavtysky & Dligach, 2025), представляющий собой фундаментальное и всестороннее разбалансирование системы международных отношений, выражающееся в росте санкционных ограничений, разрыве цепочек поставок и транспортно-логистических путей, глубоком кризисе международных экономических институтов и др. Выход из данного кризиса невозможен в рамках либеральной мейнстримной науки, поэтому национальные исследователи пытаются искать пути его преодоления, исходя из целей устойчивого развития (Allen et al., 2016; Moyer & Hedden, 2022;), новых экологических подходов (Stavtysky & Dligach, 2025) и регионализации (Zhang et al., 2022). Особое внимание уделяется поиску механизмов, обеспечивающих долгосрочный экономический рост (Dellink et al., 2017) в условиях разрыва глобальных цепочек поставок (Gopalakrishnan et al., 2022).

Отечественные ученые также констатируют «неспособность международных экономических организаций осуществлять управление в рамках существующей глобальной модели» (Тарасов, Ишуков, 2023; Lomanov, 2025). В этих условиях усиливается роль отдельных стран в мировых процессах, в том числе в результате сотрудничества РФ и КНР. Китайские коллеги говорят о новых акцентах партнерства России и Китая в меняющемся мировом порядке (Сюй, Чжао, 2025).

Эксперты уделяют большое внимание как социально-экономическим процессам в КНР (Миролюбова и др., 2024; Бедрина, Гао, 2022) и РФ, так и развитию их взаимодействия (Сидоров, 2025). Отмечается активизация укрепления позиций КНР во внешнеэкономической сфере и глобальной политике (Денисов, 2025). Сам факт того, что «Китай является крупнейшей по численности населения страной, неизбежно оказывает влияние на процессы, протекающие в мировой экономике» (Кузнецов и др., 2021). Китай играет все более важную роль на мировом рынке продовольствия (Wei et al., 2025; Чухарев, 2024).

Роль России исследуется преимущественно в рамках Большого евразийского партнерства (Li, 2018; Андреева и др., 2025), а также ее позиции на мировых рынках нефти, зерна и т. д. Ряд ученых пришли к выводу, что РФ следует «переосмыслить себя как партнера Большой Евразии, активного участника будущего полицентричного мирового порядка, формирующегося не в Европе, а в Азии»¹ (Бабаев, 2024; Герасимов, Коданева, 2023).

В отношении развития российско-китайского сотрудничества констатируется, что оно учитывает изменение расстановки сил на мировой арене (Meng et al., 2023; Шкваря и др., 2025) и направлено на активное взаимодействие с государствами Центральной Азии, Монголией и др. (Макеева, 2020), особенно на фоне антироссийских санкционных ограничений (Луконин, Вахрушин, 2023) и перехода к новому мировому экономическому порядку (Спартак, 2022). Расширяется сфера взаимодействия, включая инфраструктурные проекты (Quium, 2019) и технологии (Jixiang & Jing, 2022). Отмечается, что РФ и КНР заинтересованы в создании новых механизмов экономического регулирования, не зависящих от Вашингтона².

¹ Фонд «Росконгресс». (б. д.). Формирование многополярной экономики: роль и место России и Евразии. URL: https://forumspb.com/news/news/formirovanie-mnogopoljarnoj-ekonomiki-rol-i-mesto-rossii-i-evrazii/?ysclid=mkvfau92pj756240542&utm_referrer=https%3A%2F%2Fya.ru%2F (дата обращения: 15.01.2026).

² Российский совет по международным делам (РСМД). (б. д.). Россия и Китай: двусторонние отношения в условиях формирования многополярности. URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/rossiya-i-kitay-dvustoronnie-otnosheniya-v-usloviakh-formirovaniya-mnogopoljarnosti/?sphrase_id=196404669 (дата обращения: 15.01.2026).

Однако аспекты российско-китайского сотрудничества как инструмента глобальной стабилизации в настоящее время в научной литературе не рассматриваются. В этой связи актуализируется цель данного исследования и связанные с ней задачи:

- анализ динамики и структуры макроэкономических и внешнеэкономических показателей экономики мира, Большой Евразии, России и КНР в 2014–2024 гг.;

- обоснование этапов развития российско-китайского сотрудничества с 2014 г.;

- выявление причин и направлений, по которым сотрудничество оказывает стабилизирующее воздействие, в том числе в Большой Евразии;

- разработка сценарных прогнозов с учетом различной динамики экономического роста мировой экономики, России, Китая и Большой Евразии.

Научная новизна результатов исследования заключается в обосновании стабилизирующей роли российско-китайского сотрудничества и направлений взаимодействия России и Китая, обеспечивающих устойчивость экономического роста в Большой Евразии.

Данные и методы

Исследование основано на статистике ЮНКТАД, обеспечивающей сопоставимый анализ макроэкономических и внешнеэкономических показателей. Использованы данные в текущих ценах (долл. США) по ВВП, экспорту и импорту товаров мира, РФ и КНР, а также по двусторонней российско-китайской торговле и структуре товарных групп. Анализ охватывает период 2014–2024 гг., отражающий качественное усиление сотрудничества на фоне санкционных ограничений, торговых конфликтов, пандемии и структурных сдвигов мировой экономики.

Методологическая основа включает анализ динамики и структуры ВВП, внешней торговли и двусторонних торговых потоков, оценку изменений товарной специализации и периодизацию этапов развития российско-китайского сотрудничества с учетом внешних шоков и институциональных изменений.

Для разработки прогнозных сценариев использовались модели ARMA (autoregressive moving average) и ARIMA (autoregressive integrated moving average), примененные к годовым временным рядам стоимостных объемов экспорта, импорта и товарооборота. Моделирование проводилось отдельно для четырех временных рядов: (1) мировой ВВП (в текущих ценах, млн долл. США), (2) ВВП Китая, (3) ВВП России, (4) совокупный ВВП стран Большой Евразии по ежегодным данным UNCTADstat за 1992–2024 гг. Зависимая переменная в каждой модели — стоимостной объем ВВП соответствующего объекта.

Модели ARMA/ARIMA являются одномерными и не включают экзогенных регрессоров: прогнозные траектории строятся исключительно на основе внутренней авторегрессионной структуры ряда. Выбор между ARMA и ARIMA осуществлялся на основе свойств временного ряда: при стационарности применялась модель ARMA (p, q), где p — порядок авторегрессии, q — порядок скользящего среднего; при наличии тренда (и/или иной нестационарности) — ARIMA (p, d, q), где d — число дифференцирований, необходимых для достижения стационарности.

Проверка стационарности временных рядов выполнялась с применением расширенного теста Дики–Фуллера (ADF-test) на наличие единичного корня. Далее осуществлялся подбор оптимальных порядков p и q на основе критериев информационных потерь (AIC, BIC, HQC) с выбором спецификации, обеспечивающей наилучшее соотношение качества аппроксимации. На основе полученных оценок формировались сценарные траектории (инерционные, оптимистичные и пессимистичные) на период до 2030 г. Оптимистичный сценарий соответствует верхней границе 95%-ного доверительного интервала прогноза, базовый (инерционный) — точечному прогнозу, пессимистичный — нижней границе.

К ключевым ограничениям данного подхода относятся возможные структурные разрывы (санкционные изменения режимов торговли и платежей, кризисы и геополитические события), а также то, что модели ARMA/ARIMA опираются преимущественно на историческую динамику и не включают экзогенные факторы (торговые барьеры, логистические ограничения, институциональные изменения, технологические сдвиги), способные нелинейно менять траекторию показателей.

Результаты исследования

Роль России и Китая в мировой экономике и торговле

Китай и Россия как две крупные системообразующие державы мира во многом определяют развитие Большой Евразии и имеют значительное и растущее влияние на мировые показатели. В мае 2014 г. председатель Си Цзиньпин официально предложил концепцию «новой нормы» (新常态), т. е. переход от двузначных или высоких темпов роста (10 %) к более умеренным, но устойчивым и качественным (в диапазоне 5–7 %) (рис. 1).

Китай, оставаясь второй по величине экономикой мира (в текущих ценах) и первой экономикой мира в расчете ВВП по ППС, вносит весомый вклад в МВП и мировую торговлю (табл. 1). РФ, занимающая 4-е место в мире по объему ВВП по ППС, являясь крупной космической, энергетической державой, имея конкурентные преимущества на мировом рынке продовольствия и вооружений, играет важную роль при решении глобальных энергетических проблем и обеспечении энергетической стабильности. После 2022 г. стало очевидным, что развитие Большой Евразии требует более согласованных позиций во взаимодействиях РФ и КНР. Беспрецедентная санкционная политика Запада отразилась на некотором снижении экспорта как РФ, так и КНР, особенно в 2023 г. В 2024 г. при росте экспорта КНР остальные внешнеторговые показатели обеих стран не достигли уровня 2022 г. (табл. 1, рис. 2). Однако, столкнувшись с нелегитимными санкционными ограничениями коллективного Запада, РФ активно осуществляет переориентацию внешнеторговых потоков «на Восток» и формирует собственную финансовую инфраструктуру, что является важным условием дальнейшей активизации российско-китайского сотрудничества.

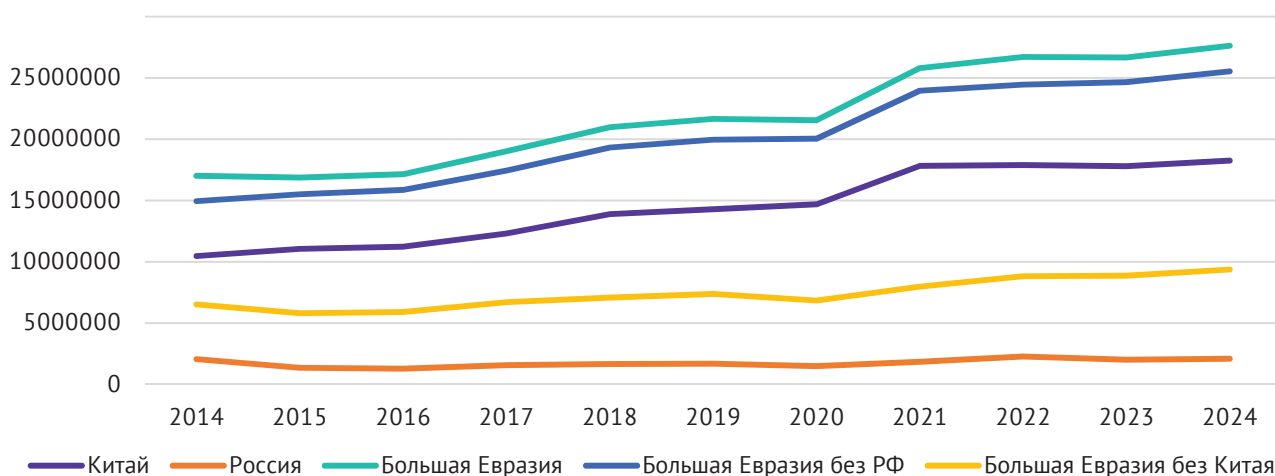

Рис. 1. Динамика ВВП РФ, КНР, стран Большой Евразии в 2014–2024 гг., млн долл.

(источник: составлено авторами по данным таблицы 1)

Fig. 1. GDP dynamics in Russia, China, and Greater Eurasia, 2014–2024 (in million USD)

(source: compiled by the authors based on Table 1).

Таблица 1

Динамика показателей по миру, Большой Евразии, КНР и РФ в 2014–2024 гг., млн долл. и %

Table 1

Indicator trends for the world, Greater Eurasia, China, and Russia, 2014–2024 (in million USD and %)

Показатели	Год										
	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023	2024
МВП	80023498	75630164	76886077	81819435	86826222	88007381	85789779	97917487	101629391	105943460	111326366
ВП БЕ	17005984	17005984	17005984	17005984	17005984	17005984	17005984	17005984	17005984	17005984	17005984
ВВП РФ, доля в МВП	2059242 2,57	1363482 1,80	1276786 1,66	1574199 1,92	1657329 1,91	1693115 1,92	1493076 1,74	1843391 1,88	2268388 2,23	2008419 1,90	2091653 1,88
	10475623 13,09	11061573 14,63	11233315 14,61	12310490 15,05	13894907 16,00	14279968 16,23	14687744 17,12	17820459 18,20	17881783 17,60	17794782 16,80	18255278 16,40
ВВП КНР и РФ в МВП, %	15,66	16,43	16,27	16,97	17,91	18,15	18,86	20,08	19,83	18,69	18,28
Доля КНР и РФ в ВП БЕ, %	73,7	73,6	73,0	73,0	74,1	73,8	75,1	76,2	75,4	74,3	73,7
МЭ	1901274	17737661	16049520	17737661	19547191	19008103	17646831	22290016	24903220	23885681	24456413
Экспорт РФ	497833	343907,7	301780,4	379206,6	451494,83	426720,3	337103,97	492313,8	589861,8	422896,3	415610,6
Импорт РФ	286648	182782	207440,5	259966,7	240225,76	247161,3	231664,19	293497,1	269577,4	295271,5	287150,4
Экспорт КНР	2342293	2273468	2097632	2263346	2486695	2499457	2589952	3316022	3544435	3379255	3576653
МИ	19070912	16726094	16203187	17966843	19808600	19322896	17873704	22572707	25659664	24278355	24782764
Импорт КНР	1959233	1679566	1587925	1843792	2135748	2078386	2065964	2679412	2706507	2556565	2584912
РФ в МЭ, %	2,62	1,94	1,88	2,14	2,31	2,24	1,91	2,21	2,37	1,77	1,70
РФ в МИ, %	1,50	1,09	1,28	1,45	1,21	1,28	1,30	1,30	1,05	1,22	1,16
КНР в МЭ, %	12,32	12,82	13,07	12,76	12,72	13,15	14,68	14,88	14,23	14,15	14,62
КНР в МИ, %	10,27	10,04	9,80	10,26	10,78	10,76	11,56	11,87	10,55	10,53	10,43

Примечания: МВП — мировой валовой продукт, ВП БЕ — валовой продукт Большой Евразии, МЭ — мировой экспорт, МИ — мировой импорт.
 Источник: составлено и рассчитано авторами по данным ЮНКТАД. URL: <https://unctadstat.unctad.org/datacentre/dataviewer/US.GDP.Total>;
<https://unctadstat.unctad.org/datacentre/dataviewer/US.TradeMerchTotal> (дата обращения: 15.01.2026)

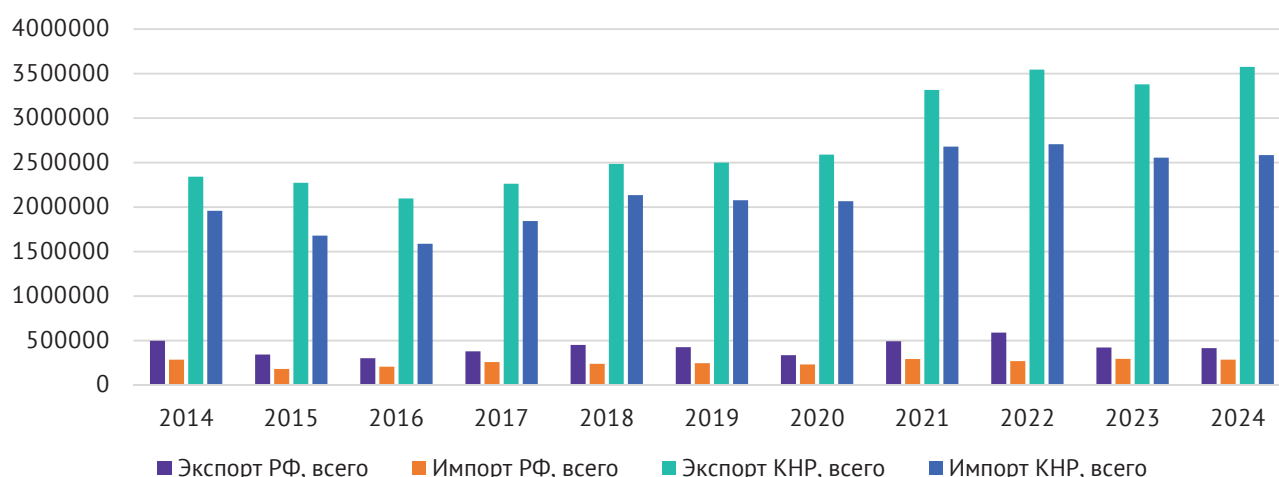

Рис. 2. Динамика экспорта и импорта РФ и КНР в 2014–2024 гг., млн долл.

(источник: составлено авторами по данным таблицы 1)

Fig. 2. Export and import dynamics for Russia and China, 2014–2024 (million USD)

(Source: compiled by the authors based on Table 1)

В целом десятилетие с 2014 по 2024 г. демонстрировало устойчивый рост двусторонней торговли, превысившей в 2024 г. 243,2 млрд долл. (табл. 2, рис. 3), причем в период 2020–2022 гг. экспортные и импортные потоки шли практически «бок о бок», а взрывной рост китайского экспорта с 2022 г. обусловлен объективным наложением следующих важнейших аспектов: геоэкономического (общее замедление темпов роста мировой экономики и конъюнктура мирового рынка по основным товарным позициям, в том числе энергоносители и металлы (табл. 2), колебания валютных курсов), геополитического (усиление санкционного давления Запада, в том числе угроза вторичных санкций для КНР и возникшие ввиду этого сложности в осуществлении платежей и расчетов между странами и др.), а также насыщения российского рынка китайской продукцией после прекращения поставок из Европы.

И хотя в 2025 г. по сравнению с 2024 г. взаимный товарооборот РФ и КНР снизился в целом на 6,9 % при почти в три раза большем сокращении китайского экспорта в РФ (на 10,4 %) по сравнению со снижением российского импорта в КНР лишь на 3,9 %¹, в I квартале 2026 г. торговля между Россией и Китаем характеризуется ростом на 14,8 % к аналогичному периоду 2025 г.²

Безусловно, остается риск существующего перекоса в структуре торговли (табл. 2), при котором доля ТЭК в КНР в российском экспорте

увеличилась за данное десятилетие с 8 до 40 %, металлов — с 5 до почти 30 %, сельхозсырья — с 36 % до более половины, а доля китайских машин и оборудования в российском импорте выросла с 16 до 66 %. Изменение данной структуры по-прежнему остается важнейшей задачей в развитии двустороннего сотрудничества. Однако в связке с внешнеторговыми контрактами развивается инвестиционное и финансовое сотрудничество, как в добывающей, так и в обрабатывающей сферах. Так, Россия и Китай совместно осваивают месторождение угля в Забайкальском крае³; Китай вкладывал инвестиции в «Ямал СПГ». К мелкоузловой сборке в конце 2025 г. приступал завод электромобилей с китайским участием в Липецкой области⁴. У России с Китаем действует (с 2021 г.) межправительственное Соглашение о сотрудничестве по созданию гражданского вертолёта, где Китай — главный инвестор, а Россия предоставляет технологии (риск-разделённое партнёрство) (ст. 4)⁵. Россия участвует в строительстве двух АЭС в Китае. В 2025 г. подписан меморандум о строительстве газопровода «Сила Сибири-2» из России в Китай.

³ РИА Новости. (2025, 25 ноября). Новак рассказал о совместных с КНР разработках месторождений угля. URL: <https://ria.ru/20251125/novak-2057303543.html> (дата обращения: 01.02.2026).

⁴ Известия. (2025, 1 декабря). В Липецке началось мелкоузловое производство автомобилей Evolute. URL: <https://iz.ru/2000060/2025-12-01/v-lipetcke-nachalos-melkouzlovoe-proizvodstvo-avtomobilei-evolute> (дата обращения: 01.02.2026).

⁵ МИД РФ. (б. д.). Соглашение между Правительством РФ и Правительством КНР о сотрудничестве по программе создания гражданского перспективного тяжелого вертолета. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_contracts/international_contracts/2_contract/43587/ (дата обращения: 01.02.2026).

¹ General Administration of Customs People's Republic of China. (2026, January 8). Imports and Exports by Country (Region) of Origin/Destination, 12.2025. URL: <http://english.customs.gov.cn/Statics/ef1a478f-8a43-4b51-9690-fb975762a2c2.html> (дата обращения: 15.01.2026).

² РИА Новости. (2026, 14 апреля). Товарооборот Китая и России в январе-марте вырос почти на 15 процентов. URL: <https://ria.ru/20260414/kitay-2086913571.html> (дата обращения: 16.04.2026).

Таблица 2

Table 2

Российско-китайская торговля в 2014–2024 гг., млн долл. в текущих ценах по текущему курсу

Russia–China trade, 2014–2024 (million USD in current prices at current exchange rates) (Source: compiled by the authors based on UNCTAD data)

Показатель	Год										
	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023	2024
Экспорт РФ в КНР	37414,63	28334,96	29953,38	41671,35	56019,9	57321,3	49146,25	68679,25	100815,4	105124,5	106102,2
Импорт РФ из КНР	51921,2	34978,5	43687,6	53445,4	51404,6	53624,78	54006,55	72487,49	92758,18	135116,7	137113,5
Товарооборот	89335,83	63313,46	73640,98	95116,75	107424,5	110946,1	103152,8	141166,7	193573,6	240241,2	243215,6
Сальдо	-14506,6	-6643,54	-13734,2	-11774,1	4615,3	3696,52	-4860,3	-3808,24	8057,21	-29992,1	-31011,3
Доля экспорта РФ в КНР, %	7,52	8,24	9,93	10,99	12,41	13,43	14,58	13,95	17,09	24,86	25,53
Сельскохозяйсырье	36,24	41,03	45,93	46,3	47,15	46,44	46,64	40,36	42,08	53,78	52,02
Топливо	8,02	8,45	13,01	14,61	17,33	18,07	20,53	21,51	22,17	38,5	40,94
Руды и металлы	5,38	4,84	4,9	7,32	10,65	11,88	18,79	17,62	16,37	24,57	29,34
Доля импорта РФ из КНР, %	18,11	19,14	21,06	20,56	21,4	21,7	23,31	24,7	34,41	45,76	47,75
В т.ч.:											
Машины и транспортное оборудование	16,61	19,44	23,41	22,55	23,54	24,29	27,77	30,37	46,36	62,83	66,39
Электроника (за исключением частей и компонентов)	40,61	42,77	44,58	46,72	49,82	50,47	54,35	55,82	67,31	75,22	76,86
Текстильные волокна, пряжа, ткани и одежда	52,19	53,39	52,2	50,38	49,7	48,25	48,35	41,01	50,43	54,26	57,05

Источник: составлено авторами по данным ЮНКТАД. URL: <https://unctadstat.unctad.org/datasentire/dataviewer/US.TradeMatrix> (дата обращения: 18.01.2025).

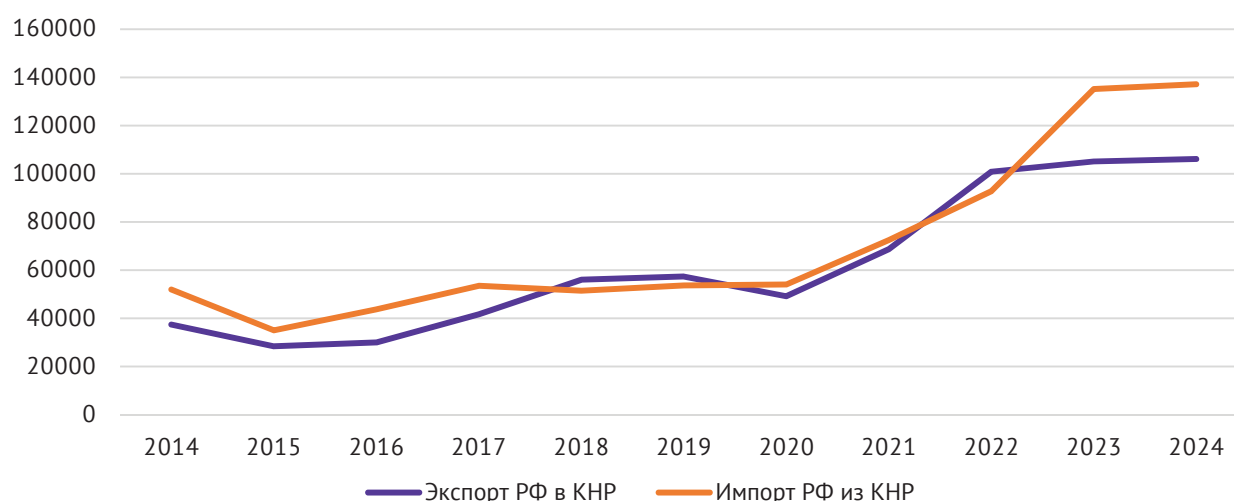

Рис. 3. Экспорт РФ в КНР и импорт РФ из КНР в 2014–2024 гг., млн долл.

(источник: составлено авторами по данным таблицы 2)

Fig. 3. Exports from Russia to China and imports to Russia from China, 2014–2024 (million USD)

(Source: compiled by the authors based on Table 2)

В 2025 г. достигнута межправительственная договорённость об образовании на Дальнем Востоке РФ экспериментально-демонстрационной зоны сельскохозяйственного сотрудничества РФ и КНР¹, в 2026 г. научными организациями и бизнесом РФ и КНР согласованы два совместных проекта по научно-технологическому обеспечению АПК (племенное птицеводство)². Помимо совместных инвестпроектов, есть проекты локализации китайских производств в России: к примеру, в 2024 г. Московской областью заключено соглашение с китайской компанией об организации выпуска промышленных роботов в регионе с последующей локализацией³.

Все это повышает значимость установки на активизацию сотрудничества РФ и КНР по причине их заинтересованности, даже при естественном наличии своих национальных интересов, в стабилизации ситуации как в мировой экономике, так и в Большой Евразии.

Для КНР и РФ предсказуемость внешней торговли, инвестиций и финансовой системы является важнейшим условием для обеспечения устойчивого роста и развития по следующим причинам.

1. Обеспечение геополитической стабильности: — как постоянные члены Совета Безопасности ООН Китай и Россия заинтересованы в предсказуемости международных отношений;

— глобальная дестабилизация усиливает риски региональных конфликтов, что угрожает их экономическим интересам.

2. Обеспечение финансовой безопасности и суверенитета:

— обе страны стремятся снизить зависимость от долларовой системы и создать альтернативные механизмы расчетов (использование национальных валют, развитие СПФС и CIPS);

— прозрачность мировой финансовой системы в ее реформированном виде помогает противодействовать односторонним ограничениям и обеспечивать доступ к международному капиталу.

3. Участие в глобальных цепочках создания стоимости:

— Китай является крупнейшим в мире экспортёром и вторым по величине импортером. Стабильность мировой торговой системы напрямую влияет на его экономическую безопасность;

— Россия — крупный экспортёр энергоресурсов, сырья и вооружений. Предсказуемость рынков и логистических маршрутов критически важна для её экономики.

4. Реализация национальных стратегий и инициатив развития:

— Китай реализует долгосрочные стратегии («Цифровой шелковый путь», «Пояс и путь»), требующие стабильной внешней среды;

— Россия реализует проект Евразийского экономического пути и инициативу Большого евразийского партнерства, что требует предсказуемых правил в новой экономической реальности.

«Торговая война» США против Китая (с 2018 г.) и тотальная тарифная войны Трампа против все-

¹ Правительство РФ. (2025, 4 ноября). Совместное коммюнике по итогам 30-й регулярной встречи глав правительств России и Китая. URL: <http://government.ru/news/56833/> (дата обращения: 01.02.2026).

² Министерство сельского хозяйства РФ. (2026, 29 января). Россия и Китай договорились о совместных проектах в области племенного птицеводства // Министерство сельского хозяйства РФ. URL: <https://mcx.gov.ru/press-service/news/rossiya-i-kitay-dogovorilis-o-sovmestnykh-proektakh-v-oblasti-plemennogo-ptitsevodstva/> (дата обращения: 29.01.2026).

³ ТАСС. (2024, 5 июня). В Подмоскowie запустят производство китайских промышленных роботов в конце года. URL: <https://tass.ru/ekonomika/21004391> (дата обращения: 29.01.2026).

го мира дестабилизируют мировую экономику и делают более востребованными совместные усилия РФ и КНР по поддержанию и обеспечению евразийской и глобальной стабильности и устойчивости, что, в свою очередь, выступает

стимулирующим фактором для развития российско-китайского взаимодействия.

На основе проведенного анализа нами выделены этапы в развитии сотрудничества РФ и КНР с 2014 г., катализатором которого выступила усилившаяся глобальная турбулентность (табл. 3).

Таблица 3

Этапы развития российско-китайского сотрудничества с 2014 г.

Table 3

Stages of development of Russian-Chinese cooperation since 2014

Этап	Контекст	Ключевые события и тенденции
2014–2018 гг.: взаимодействие в контексте «поворота на Восток» для РФ и «открытости на север» для КНР	Введение западных санкций против России после 2014 г.; объявление Китаем инициативы «Пояс и путь», РФ – Большое Евразийское партнерство	- поворот на Восток: Россия объявила о «повороте к Азии», а Китай стал основным партнером для компенсации давления с Запада; - энергетический прорыв: подписание исторического 30-летнего контракта на поставку российского газа в Китай по трассе «Сила Сибири» (2014); - финансовая безопасность: активное наращивание расчетов в национальных валютах (юань/рубль) для снижения зависимости от доллара. Интеграция китайских платежных систем (UnionPay) в Россию; - институциональное развитие: углубление сопряжения ЕАЭС, БЕП и «Пояса и пути». В 2012 г. Российским фондом прямых инвестиций (РФПИ) и Китайской инвестиционной корпорацией (China Investment Corporation, CIC) создан Российско-китайский инвестиционный фонд
2019–2021 гг.: адаптация к условиям пандемии	Пандемия COVID-19, торговая война США и Китая	- пандемическое взаимодействие: поставки Китаем медицинских товаров и комплектов в условиях сбоя глобальных цепочек; - рост товарооборота: преодоление планки в \$100 млрд и стремление к \$200 млрд
2022–2025 гг.: аккуратное сотрудничество в условиях санкций	Начало СВО и введение беспрецедентных западных санкций против России в 2022 г., дальнейшая изоляция России	- взрывной рост товарооборота: достижение исторического рекорда (~\$240 млрд в 2023 г.) – с 2021 по 2024 гг. в российском экспорте в Китай выросла доля продовольствия (с 4,86 до 5,15 %), в китайском экспорте в РФ – машин, оборудования и транспортных средств (с 50,3 до 60,2 %), в том числе пассажирского автотранспорта (с 2,5 до 13,2 %)¹; - резкий рост поставок нефти. Так, в физическом выражении российский экспорт нефти в КНР вырос в 2022 г., в 2023 г. он прирос на 24 %, в 2024 г. – на 1,3 %, в 2025 г. – снизился на 7,1 %, но Россия сохранила место крупнейшего поставщика, в январе–феврале 2026 г. вырос на 41 % к аналогичному периоду 2025 г.²; - замещение ушедших западных брендов: массовый вход китайских компаний (автомобильных, потребительских, ИТ) на освободившийся российский рынок; - новые вызовы: появление «вторичных санкций» для китайских компаний, необходимость выстраивания сложных схем оплаты и логистики; - инфраструктурная связность: развитие сухопутных коридоров и значимость Северного морского пути для Китая – российско-китайские контейнерные перевозки по Севморпути в 2023–2024 гг. выросли в два раза, в 2025 г. прогнозировался рост ещё на 2/3³; - цифровизация: развитие Цифрового шелкового пути: в 2023 г. китайский бизнес заключил договорённость о сооружении 7,6 тыс. станций мобильной и Интернет-связи в Таджикистане. В 2024 г. заключено соглашение о единой цифровой платформе контейнерных перевозок на маршруте РФ – КНР – Казахстан⁴
с 2026 г. «Встречное движение» в отношении развития инвестиционного сотрудничества	С 1.01.2026 вступило в силу новое соглашение о защите и поощрении инвестиций между РФ и КНР	- углубление технологической кооперации: развитие сотрудничества в области высоких технологий, включая микроэлектронику и телекоммуникационное оборудование, в обход санкций. На август 2025 г. продолжалось сотрудничество РФ и КНР по разработке широкофюзеляжного дальнемагистрального пассажирского самолёта и гражданского тяжёлого вертолёта⁵. С российским участием построены уже 4 энергоблока на Тяньваньской АЭС⁶. РФ и КНР сотрудничают в изучении космоса и спутниковой навигации⁷; в ноябре 2025 г. Россия и Китай договорились учредить Экспертный совет по сотрудничеству в области искусственного интеллекта в рамках рабочей группы по сотрудничеству в этой сфере; - логистический прорыв: максимальная загрузка транссибирских маршрутов, развитие коридоров через Центральную Азию и Каспий, освоение Северного морского пути. В 2025 г. по Севморпути осуществлена первая грузоперевозка из КНР в Европу⁸;

Окончание табл. 3 на след. стр.

Этап	Контекст	Ключевые события и тенденции
с 2026 г. «Встречное движение» в отношении развития инвестиционного сотрудничества	С 1.01.2026 вступило в силу новое соглашение о защите и поощрении инвестиций между РФ и КНР	- переориентация финансов: отказ от доллара и евро — к ноябрю 2025 г. 99,1 % расчётов между Россией и Китаем осуществлялось в юанях и рублях ⁹ ; - интеграция китайских финансовых институтов и российского СПФС: к 2026 г. РКИФ вложены инвестиции на 1,3 млрд долл. в более чем 40 проектов ¹⁰

¹ Рассчитано по: Merchandise Trade Matrix, Annual (Analytical). United Nations Conference on Trade and Development (UNCTAD). (2025, October 15). Merchandise Trade Matrix, Annual (Analytical). URL: <https://unctadstat.unctad.org/datacentre/dataviewer/US.TradeMatrix> (дата обращения: 17.04.2026).

² РБК. (2026, 20 марта). Reuters узнал о рекордных поставках российской нефти в Китай. URL: <https://www.rbc.ru/economics/20/03/2026/69bd12579a79472d2c23eca0> (дата обращения: 17.04.2026).

³ РИА НОВОСТИ. (2025, 14 октября). Россия и Китай установят новый рекорд контейнерных перевозок. URL: <https://ria.ru/20251014/rossija-2048105143.html> (дата обращения: 17.04.2026).

⁴ Меньшикова, Е. С. (2025). Цифровая трансформация как часть внешнеполитической стратегии КНР. Мировая политика, (2), 36–61. <https://doi.org/10.25136/2409-8671.2025.2.73877>

⁵ Прайм. (2025, 19 августа). Россия и Китай работают над дальнемагистральным самолетом, заявил Алиханов. URL: <https://1prime.ru/20250819/alikhanov-860928434.html> (дата обращения: 17.04.2026).

⁶ ТАСС. (2025, 5 августа). Россия и Китай обсудили сотрудничество в ядерной отрасли. URL: <https://tass.ru/ekonomika/24712225> (дата обращения: 17.04.2026).

⁷ РИА Новости. (2025, 31 октября). Правительство рассказало о сотрудничестве России и Китая в сфере космоса. URL: <https://ria.ru/20251031/rossija-2052026897.html> (дата обращения: 17.04.2026).

⁸ РБК. (2025, 14 октября). По Севморпути прошел первый транзитный рейс из Китая в Европу. URL: <https://www.rbc.ru/business/14/10/2025/68ee052d9a794740876ef6be> (дата обращения: 17.04.2026).

⁹ РИА Новости. (2025, 4 ноября). Россия и Китай почти полностью перешли на расчеты в национальных валютах. URL: <https://ria.ru/20251104/rossija-2052748193.html> (дата обращения: 17.04.2026).

¹⁰ ТАСС. (2025, 25 ноября). Новак: российско-китайский инвестфонд проинвестировал проекты на \$1,3 млрд. URL: <https://tass.ru/ekonomika/25717555> (дата обращения: 17.04.2026).

Источник: составлено авторами.

Общие итоги и тренды российско-китайского сотрудничества с 2014 г.:

— страны заявили об углублении всеобъемлющего партнёрства и стратегического взаимодействия в новую эпоху, в совместном заявлении РФ и КНР отмечается, что «российско-китайские отношения обладают уникальной стратегической самодостаточностью и мощной внутренней движущей силой»¹;

— в рамках двустороннего и многостороннего сотрудничества формируется альтернативная двусторонняя финансово-расчетная инфраструктура;

— все актуальнее становятся вопросы углубления интеграции в сфере производства, транспорта и логистики;

— внешнее давление как на Россию, так и на Китай выступает катализатором взаимодействия и реформирования архитектуры сотрудничества.

Таким образом, всеобъемлющее партнерство РФ и КНР превратилось в важнейший инстру-

мент совместного поддержания ресурсной безопасности и стабильности, что обеспечивает:

— устойчивый рост торгово-экономического сотрудничества, стабилизирующего внутренние социально-экономические процессы стран;

— формирование многополярного мира, укрепление роли международных организаций, в которых ограничено влияние США и ЕС;

— поддержание стабильности, предсказуемости и устойчивого роста на пространстве Большой Евразии;

— участие в международных структурах, таких как ШОС и БРИКС, и совместных инициативах, таких как «Пояс-путь», БЕП;

— создание общей инфраструктуры в различных сферах, что дает возможность стабилизировать как межстрановые, так и международные процессы;

— реализацию долгосрочных стратегий и приоритетов развития, что обеспечивает устойчивость в условиях геополитической турбулентности.

Совместные усилия РФ и КНР в этих направлениях отражают стремление не просто адаптироваться к изменяющейся системе, но и способствовать более устойчивому экономическому росту на пространстве Большой Евразии.

¹ Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики о дальнейшем углублении отношений всеобъемлющего партнёрства и стратегического взаимодействия в новую эпоху. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/6309?ysclid=mo07nm0n1q401057184> (дата обращения: 17.04.2026).

Сценарные прогнозы экономического роста мировой экономики, России, Китая и Большой Евразии

Для количественной оценки эффекта российско-китайского сотрудничества были смоделированы траектории экономического роста ключевых акторов при различных сценариях геополитической обстановки. Динамика ВВП выступает индикатором, позволяющим сопоставить потенциальный вклад сотрудничества РФ и КНР в устойчивость экономического роста Большой Евразии и мира в целом. Для разработки сценарных прогнозов динамики ВВП мировой экономики, России, Китая и стран Большой Евразии был использован метод ARMA/ARIMA моделирования. Основные результаты моделирования представлены в таблице 4.

Итоговый подбор проводился перебором комбинаций в допустимом диапазоне и оценкой качества моделей по нескольким критериям. Во-первых, использовались информационные критерии Акаике (AIC) и Шварца–Бейеса (BIC) — количественные метрики, балансирующие точность подгонки и сложность модели. Лучшими считаются модели с минимальными значениями AIC/BIC, т. к. они лучше объясняют данные при меньшем числе параметров, избегая переобучения. Во-вторых, учитывался коэффициент детерминации R^2 , характеризующий долю дисперсии ряда, объясненную моделью. Хотя для ARIMA R^2 носит вспомогательный характер, его уровень позволяет оценить, насколько хорошо модель описывает исторические данные. В результате отбора были выбраны спецификации, указанные в таблице, обладающие наименьшими AIC/BIC и высокими коэффициентами детерминации.

Результаты сценарного прогнозирования демонстрируют, что траектории экономического роста России, Китая и стран Большой Евразии к 2030 г. существенно различаются в зависимости от сценарных условий. Значительный разброс между оптимистичным и пессимистичным сценариями свидетельствует о высокой чувствительности региональных и глобальных показате-

телей к геополитической обстановке. При этом следует подчеркнуть, что используемые одномерные модели ARIMA не позволяют количественно выделить вклад отдельных факторов: разброс сценариев отражает общую статистическую неопределённость прогноза, а содержательная привязка сценариев к конкретным условиям (уровень кооперации, санкционный режим, геополитическая стабильность) носит интерпретационный характер.

Рассмотрим отдельно каждый из трех сценариев развития и их последствия с точки зрения потенциала роста и роли взаимодействия РФ–КНР.

Оптимистичный сценарий представлен на рисунке 4.

Этот сценарий предполагает ускоренный рост мировой экономики в условиях относительной геополитической стабильности. В 2025–2030 гг. глобальный ВВП увеличивается почти на треть, что существенно превышает исторические темпы. Страны Большой Евразии становятся основным драйвером роста, усиливая свои позиции в мировом хозяйстве за счёт синергии торговли, инвестиций и инфраструктурной кооперации. Ключевую роль играет российско-китайское сотрудничество: расширение двусторонней торговли и реализация совместных проектов в энергетике, транспорте и технологиях формируют мультипликативный эффект для региона. Согласно оптимистичному сценарию, ВВП России к 2030 г. может существенно возрасти по сравнению с уровнем 2024 г. Реализация подобной траектории предполагает благоприятное сочетание ряда условий, в том числе ослабление санкционного давления, углубление торгово-экономической кооперации с Китаем и партнёрами по Большой Евразии.

В глобальном измерении данный сценарий соответствует переходу к более полицентричному миропорядку, основанному на коалиции развивающихся стран. Углубление интеграции в рамках БРИКС, ЕАЭС, ШОС и АСЕАН сопровождается формированием альтернативных институтов развития и расширением финансирования инфраструктурных проектов. Параллельно усиливается дедолларизация и формируется региональная валютно-финансовая система, менее уязвимая к внешнему давлению. В целом сценарий отражает высокий потенциал многостороннего сотрудничества, ведущего к сокращению диспропорций при условии согласования интересов ключевых евразийских акторов.

Базовый (инерционный) сценарий представлен на рисунке 5.

Базовый сценарий предполагает умеренный рост мировой экономики (около 2 % в год), сопоставимый с прогнозами МВФ. Его источни-

Таблица 4
Результаты сценарного прогнозирования

Table 4

Scenario forecasting results

Объект	ADF-тест	Стационарность	R^2	Порядок (p, d, q)
Мир	0.9952	Отсутствует	0.95	8, 1, 9
Китай	0.0526	Отсутствует	0.99	7, 1, 6
Россия	0.8314	Отсутствует	0.91	9, 1, 9
Большая Евразия	0.9984	Отсутствует	0.99	9, 1, 9

Источник: разработано авторами на основе ARIMA моделирования.

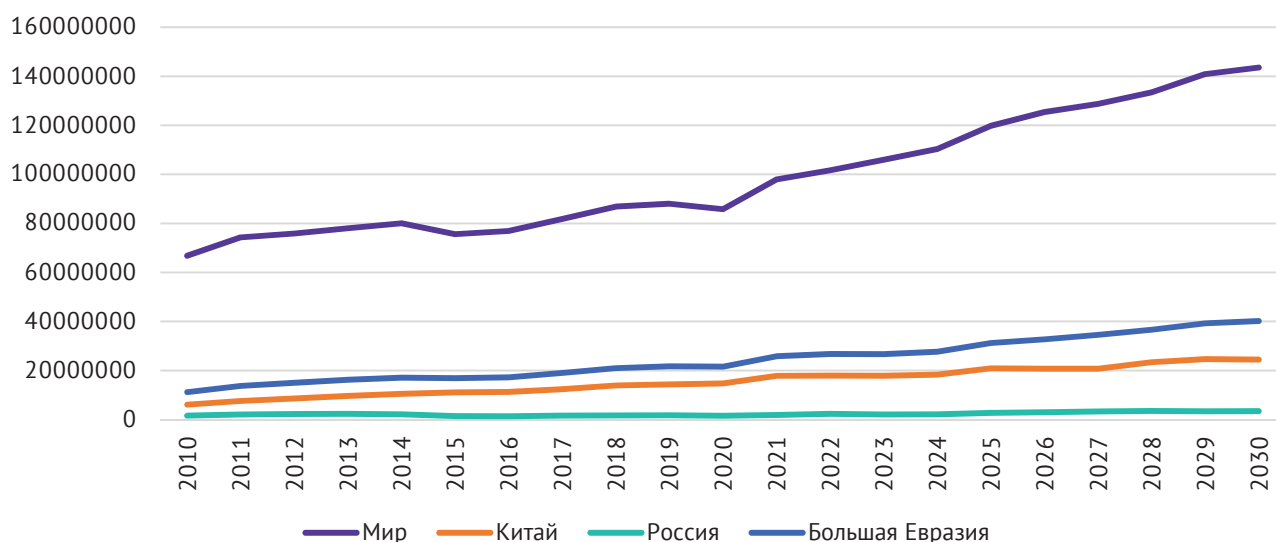

Рис. 4. Оптимистичный сценарий динамики ВВП России, Китая, стран Большой Евразии и мира на период до 2030 г. (источник: разработано авторами на основе ARIMA моделирования)

Fig. 4. Optimistic GDP growth scenario for Russia, China, Greater Eurasia, and the world to 2030 (source: authors' projections based on ARIMA modelling)

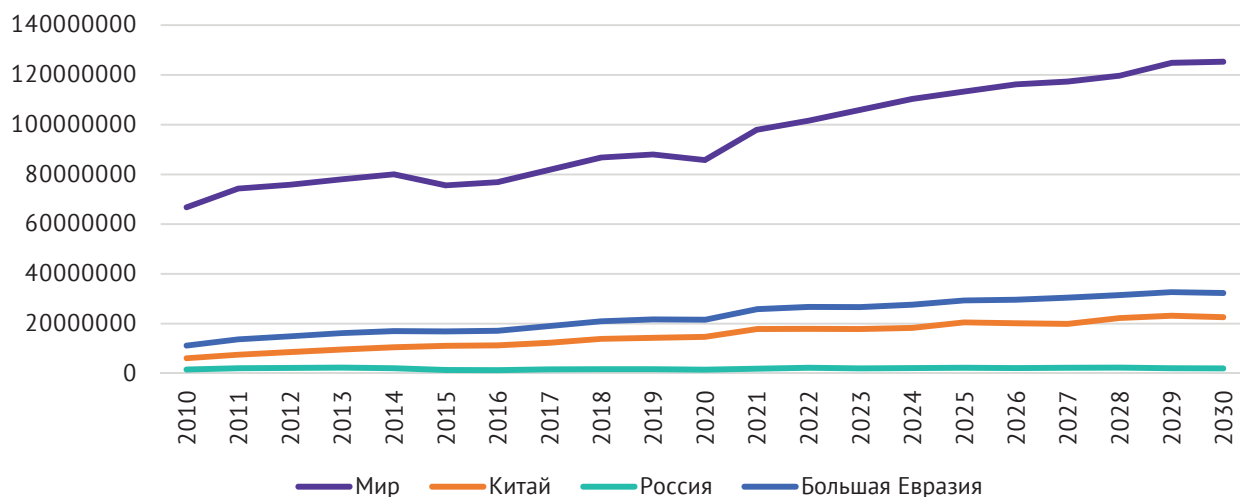

Рис. 5. Инерционный сценарий динамики ВВП России, Китая, стран Большой Евразии и мира на период до 2030 г. (источник: разработано авторами на основе ARIMA моделирования)

Fig. 5. Inertial GDP growth scenario for Russia, China, Greater Eurasia, and the world to 2030 (source: authors' projections based on ARIMA modelling)

ком остаются Китай и другие азиатские страны, тогда как геополитическая напряжённость ограничивает реализацию потенциала России и части Евразии. К 2030 г. ВВП Китая увеличивается примерно на четверть, однако темпы роста замедляются по мере структурного созревания экономики. ВВП РФ в условиях сохранения санкционных ограничений удерживается на уровне около 2 трлн долл., а его доля в мировом выпуске несколько снижается.

Для Большой Евразии данный сценарий означает частичную реализацию интеграционного потенциала без прорывных эффектов. Региональный ВВП растёт за счёт Юго-Восточной и Южной Азии, доля Евразии в мировой экономике постепенно увеличивается, отражая инерционный сдвиг центра роста с Запада на Восток.

В глобальном масштабе формируется биполярная структура, где позиции США и ЕС остаются сильными, но ослабевают, тогда как позиции Китая и его партнёров усиливаются в рамках существующего порядка. Новый миропорядок к 2030 г. лишь начинает складываться, сосуществуя с прежними институтами и финансовыми механизмами.

Пессимистичный сценарий представлен на рисунке 6.

Этот сценарий построен на допущении глубокой фрагментации мировой экономики и возможной затяжной рецессии в 2025–2030 гг. Данное допущение основано на нижней границе доверительного интервала модели ARIMA и согласуется с предупреждениями ряда международных организаций о рисках существенного

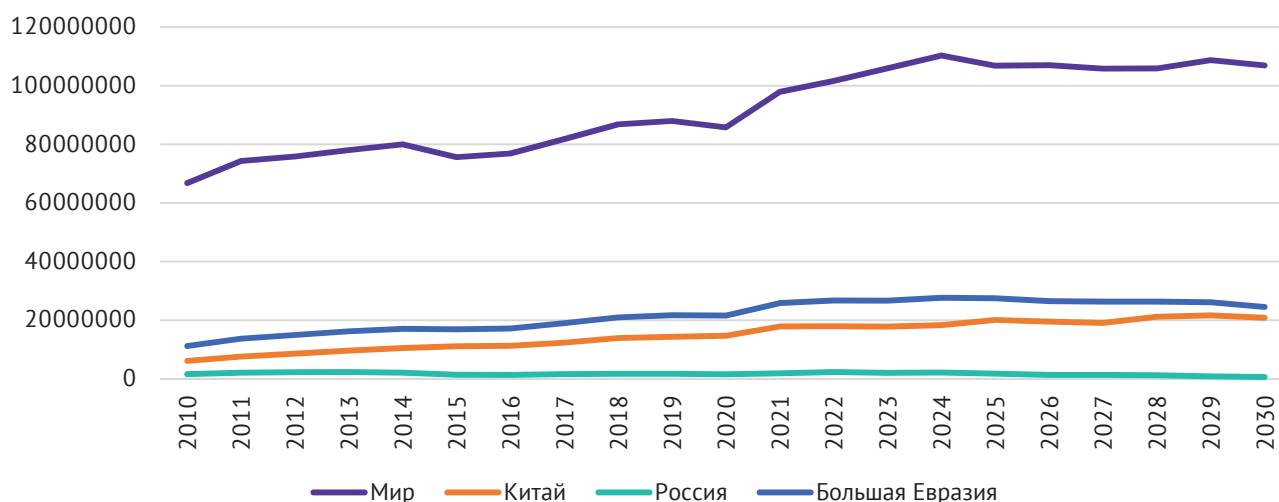

Рис. 6. Пессимистичный сценарий динамики ВВП России, Китая, стран Большой Евразии и мира на период до 2030 г. (источник: разработано авторами на основе ARIMA моделирования)

Fig. 6. Pessimistic GDP growth scenario for Russia, China, Greater Eurasia, and the world to 2030 (source: authors' projections based on ARIMA modelling)

замедления глобального роста^{1,2}. Рост мирового ВВП практически прекращается вследствие разрыва торговых связей, регионализации экономики, снижения спроса и роста неопределённости. Возможная эскалация конфликта в Европе и усиление санкционного давления приводят к расколу мировой системы на противостоящие блоки.

Наиболее сильный удар приходится на Россию: модель допускает резкое сокращение ВВП вследствие утраты экспортных рынков, финансовой и технологической изоляции и оттока человеческого капитала. Китай также сталкивается с негативными эффектами глобального спада и геополитической напряжённости, что приводит к замедлению его роста до 1–2 % в год и существенному отставанию от базового сценария. В этих условиях российско-китайское взаимодействие сохраняется, но в абсолютных объёмах может сокращаться.

Для Большой Евразии данный сценарий означает срыв интеграционных процессов и снижение совокупного ВВП региона. Мировой порядок трансформируется через конфронтацию и обособление, формируя жёсткие сферы влияния и расколотую мировую систему. В целом пессимистичный сценарий не предполагает выигрыша ни для одной из сторон и характеризуется усилением системных рисков и стагнацией мирового развития.

Обсуждение

Направления взаимодействия России и Китая, обеспечивающие стабильность и устойчивость экономического роста в Большой Евразии

РФ и КНР совместными усилиями оказывают комплексное воздействие на пространство Большой Евразии и мировое хозяйство в ходе формирования многополярной экономической архитектуры посредством дополнения системы новыми механизмами, отвечающими вызовам времени. Подписание 20 мая 2026 г. в ходе визита президента России Владимира Владимировича Путина в Китай Совместной декларации Российской Федерации и Китайской Народной Республики о становлении многополярного мира и международных отношений нового типа, в которой говорится, что «государства и их объединения свободны в выборе зарубежных партнеров и моделей международного взаимодействия»³, является ярким тому подтверждением.

Основными направлениями данного воздействия являются:

1. *Создание альтернативных финансовых институтов и механизмов.*

РФ и КНР осуществляют сотрудничество в построении независимой платежной инфраструктуры для ограничения западного финансового давления. Страны стремятся ко все более активному использованию рубля и юаня во взаимной торговле и расширяют эту практику, например, в рамках БРИКС. Снижение зависимости от доллара минимизирует риски и повышает стабильность финан-

¹ International Monetary Fund. (2025, October). World Economic Outlook. URL: <https://www.imf.org/en/publications/weo/issues/2025/10/14/world-economic-outlook-october-2025> (дата обращения: 03.07.2026).

² World Bank Group. (2026, January). Global Economic Prospects. URL: <https://openknowledge.worldbank.org/server/api/core/bitstreams/a9e24256-baf8-45bb-9075-75e437e1d6f7/content> (дата обращения: 03.07.2026).

³ Совместная декларация Российской Федерации и Китайской Народной Республики о становлении многополярного мира и международных отношений нового типа. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/6486> (дата обращения: 03.07.2026).

совых потоков. Так, интеграция платежных систем (МИР — UnionPay/CIPS) представляет собой создание независимой от западных карточных систем и SWIFT инфраструктуры для бесперебойных международных расчетов, что облегчает платежи в национальной валюте между странами.

Усиление роли БРИКС+, расширение объединения и развитие его финансовых инструментов (Новый банк развития БРИКС, Пулы валютных резервов) создает альтернативу традиционным институтам (МВФ, Всемирный банк) для финансирования инфраструктуры и развития стран Глобального Юга. По данным на 2024 г. доля расчетов в национальных валютах (в том числе в рублях и юанях) в торговле между странами БРИКС достигла 65 %¹.

2. Формирование новых логистических коридоров и цепочек стоимости.

Сопряжение ЕАЭС, БЕП, инициативы «Пояс и путь», ШОС и других интеграционных проектов обеспечивает развитие трансконтинентальных маршрутов (Север–Юг, Северный морской путь), диверсифицирует глобальные цепочки поставок, делая их более устойчивыми. Наряду с развитием транспортной и логистической инфраструктуры, РФ и КНР совместными усилиями осуществляют развитие «зеленой» и цифровой логистики, включающей совместные инвестиции в умные порты, железные дороги и системы управления грузопотоками, например, проект «Порт будущего» в Шанхае и Циндао. Компании, проходящие через такие порты, получают автоматическую сертификацию углеродного следа логистической цепочки². Эти примеры показывают, что сотрудничество движется в направлении создания единой цифровой экосистемы логистики Евразии.

3. Укрепление многосторонних структур в рамках российско-китайского сотрудничества происходит путем продвижения принципов «многосторонности» в таких международных организациях, как ООН, ШОС, БРИКС, G20. КНР и РФ совместными усилиями отстаивают подходы, основанные на уважении суверенитета, что создает более предсказуемую среду для участников. Активно работают Евразийский банк развития (ЕАБР), Азиатский банк инфраструктурных инвестиций, Новый банк развития БРИКС. Требуется дальнейшая коорди-

нация их усилий по финансированию масштабных инфраструктурных, высокотехнологичных и «зеленых» проектов, например, создание платформы для совместного кредитования проектов и продолжение работы по гармонизации технических, цифровых и экологических стандартов в рамках евразийского пространства, что способствует развитию торговли и инвестиций.

4. Кооперация в критически важных и высокотехнологичных отраслях.

Это направление включает широкий спектр взаимодействия: энергетическая безопасность, обеспечение технологического суверенитета, развитие цифровой экономики — и предполагает строительство устойчивых энергомоств, гарантирующих стабильность поставок. Совместные проекты в области авиастроения, микроэлектроники, искусственного интеллекта, биотехнологий и квантовых вычислений развивают кооперацию в сфере кибербезопасности, больших данных, национальных систем цифровой валюты (CBDC). Для России важно наращивание усилий по обеспечению технологического суверенитета и сокращение зависимости от третьих стран.

5. Обеспечение экономической безопасности, в том числе продовольственной.

РФ обладает конкурентными преимуществами в сфере производства продовольствия. КНР также предпринимает усилия по обеспечению продовольственной безопасности собственного населения. Поэтому страны активизируют двустороннее сотрудничество и вовлекают в него партнеров путем создания устойчивых цепочек поставок сельскохозяйственной продукции, удобрений, что позволяет влиять на цены на глобальном продовольственном рынке. В 2025 г. РФ и КНР приступили к созданию совместных пилотных и демонстрационных зон сельскохозяйственного сотрудничества³.

6. Формирование евразийского рынка «зеленого» финансирования также является важнейшим направлением обеспечения «устойчивого роста». Китай является важнейшим эмитентом «зеленых» облигаций, занимая второе место после США⁴. Россия выступила с инициативой создания банка климатических данных в ЕАЭС для их использования евразийскими компаниями, реализующими «зеленые» экологические проекты. В Стратегии Евразийского банка развития на 2022–2026 годы⁵ имеется раздел «Развитие

¹ Экспертный совет БРИКС Россия. (2025, 19 сентября). Совершенствование механизмов трансграничных расчетов между странами — членами БРИКС. URL: <https://bricscouncil.ru/ru/analytics/sovershenstvovanie-mekhanizmov-transgranichnykh-raschetov-mezhdu-stranami-chlenami-briks> (дата обращения: 03.07.2026).

² MadeChinaNews. (2026, 26 января). Как Тяньцзинь стал первым в мире портом с нулевыми выбросами: революция в зелёной логистике и цифровой инфраструктуре. URL: <https://madechinanews.ru/2026/01/26/как-тяньцзинь-стал-первым-в-мире-порто/> (дата обращения: 03.07.2026).

³ Интерфакс. (2025, 2 сентября). РФ и Китай приступили к созданию совместных зон сотрудничества в АПК. URL: <https://www.interfax.ru/business/1045309> (дата обращения: 03.07.2026).

⁴ Climate Bonds Initiative. (n.d.). Official website. URL: <https://www.climatebonds.net/> (дата обращения: 23.09.2021).

⁵ Евразийский банк развития (ЕАБР). (2021). Стратегия Евразийского банка развития 2022–2026. URL: https://eabr.org/upload/EDB_Strategy_for_2022-2026-RU.cleaned.pdf (дата обращения: 03.07.2026).

„зеленого” финансирования» с обоснованием перспективных направлений и проектов ЕАБР в данной сфере. В РФ на законодательном уровне обсуждалось создание в рамках Азиатской парламентской ассамблеи информационно-методологического центра Азиатской климатической финансовой инициативы, основной целью которой стала бы разработка альтернативной западному варианту общей согласованной таксономии для евразийских стран-участниц «зеленых» проектов и «зеленого» финансирования. Инициатива была поддержана ОАЭ, Саудовской Аравией, Кувейтом, Бахрейном и Оманом. При этом в качестве основы можно использовать российский опыт таксономии «зеленых» проектов и методические указания по идентификации «зеленых» финансовых инструментов, изложенные в Постановлении Правительства РФ от 21 сентября 2021 г. № 1587 «Об утверждении критериев проектов устойчивого (в том числе зеленого) развития в Российской Федерации и требований к системе верификации инструментов финансирования устойчивого развития в Российской Федерации» с изменениями и дополнениями от 11 марта, 30 декабря 2023 г. и 14 октября 2025 г.¹ Также возможна разработка евразийских дорожных карт и согласование национальных и корпоративных стратегий «зеленого» развития как РФ и КНР, так и других стран Большой Евразии на длительную перспективу до 2030 и 2050 гг. по реализации соответствующих мероприятий на евразийском пространстве, включая создание совместных фондов для финансирования «зеленых» проектов.

Заключение

Проведенное исследование подтверждает, что развитие сотрудничества РФ и КНР является важным инструментом обеспечения устойчивости Большой Евразии в условиях глобальной турбулентности, обеспечивающим:

- альтернативу развивающимся странам в выборе торговых партнеров, источников финансирования и технологий;
- диверсификацию цепочек поставок, независимых финансовых каналов и центров экономического роста;
- предсказуемость реализации совместных проектов, базирующихся на долгосрочных межгосударственных соглашениях;

— ориентацию на развитие масштабной инфраструктуры и промышленной кооперации как драйверов экономического роста стран Большой Евразии.

Реализация данных направлений нацелена на снижение системных рисков, монополизма и создает основу для более устойчивого экономического роста в Большой Евразии и мировой экономике в целом. На ее основе возникает несколько центров принятия решений, стандартообразования и финансирования. Влияние российско-китайского сотрудничества состоит в формировании альтернативных западным логистических, производственно-технологических и финансовых контуров и возможности выбора для стран Большой Евразии.

В то же время следует отметить риски, имеющие место в российско-китайских торгово-экономических отношениях (рост зависимости России от экспорта в КНР стратегического сырья и импорта китайских технологий), и возросшие глобальные логистические и финансовые вызовы, связанные с происходящими геополитическими процессами, в том числе проблеме вторичных санкций, выступающую одним из главных практических препятствий для трансграничных финансовых потоков между банками двух стран, что только усиливает потребность в совместной возможности их контроля и регулирования.

Для предотвращения трансграничных финансовых рисков странам следует активнее взаимодействовать по вопросам гармонизации общих правил на евразийском пространстве, развивать совместные инструменты диверсификации платежных каналов и мониторинга трансграничных потоков капитала, а также детально прорабатывать договорные условия. Инновационное совершенствование механизмов расчетов связано как непосредственно с осуществлением расчетов в национальных валютах и интеграцией платежных систем стран (российской Системы передачи финансовых сообщений (СПФС) и китайской CIPS (Cross-Border Interbank Payment System)), так и с развитием цифровых финансовых активов и взаимозачетных схем (например, системы «Китайский маршрут» (China Track)).

Таким образом, российско-китайское сотрудничество является важным инструментом перехода от глобализации по западным лекалам к многополярной, сетевой экономике, способной ставить и решать задачи обеспечения стабильности и устойчивости экономического роста как применительно к двусторонним отношениям между РФ и КНР, так и к пространству Большой Евразии и мировой экономики в целом.

¹ Постановление Правительства РФ от 21 сентября 2021 г. № 1587 «Об утверждении критериев проектов устойчивого (в том числе зеленого) развития в Российской Федерации и требований к системе верификации инструментов финансирования устойчивого развития в Российской Федерации». URL: <https://base.garant.ru/402839344/> (дата обращения 03.07.2026).

Список источников

- Андреева, Е. Л., Ратнер, А. В., Ильясов, П. В. (2025). Роль России и Китая в развитии интеграционного контура Большого Евразийского партнерства. *Экономика региона*, 21(3), 630–642. <https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2025-3-4>
- Бабаев, К. В. (2024). Идея «Большой Евразии» и поворот российской экономики на Восток. *Экономика Центральной Азии*, 8(2), 91–110. <https://doi.org/10.18334/asia.8.2.121012>
- Бедрина, Е. Б., Гао, Н. (2022). Эмпирический анализ развития торговли между Китаем и Россией. *Россия и Азия*, 6(20), 30–37.
- Герасимов, В. И., Коданева, С. И. (2023). Большая Евразия: национальные и цивилизационные аспекты развития и сотрудничества. *Век глобализации*, 2(46), 90–101. <https://doi.org/10.30884/vglob/2023.02.08>
- Денисов, И. Е. (2025). Правовое обеспечение внешней политики КНР: укрепление международного статуса и защита национальных интересов. *Мировая экономика и международные отношения*, 69(1), 17–29. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2025-69-1-17-29>
- Кузнецов, В. И., Ларионова, Е. И., Чинаева, Т. И. (2021). Анализ экономики Китая в XXI веке. *Статистика и экономика*, 18(2), 57–70. <https://doi.org/10.21686/2500-3925-2021-2-57-70>
- Луконин, С. А., Вахрушин, И. В. (2023). Российско-китайское торгово-экономическое сотрудничество на фоне антироссийских санкций. *Россия и АТР*, 1(119), 160–180. <https://doi.org/10.24412/1026-8804-2023-1-160-180>
- Макеева, С. Б. (2020). Современный этап истории межрегионального российско-китайского сотрудничества в условиях регионализации. *Известия саратовского университета. Новая серия. Серия: история. Международные отношения*, 20(3), 382–387. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2020-20-3-382-387>
- Миролюбова, А. А., Сэ, С., Балакин, М. А. (2024). Экономика Китая: оценка и стратегия развития. *Современные наукоемкие технологии. Региональное приложение*, 1(77), 11–17. <https://doi.org/10.6060/snt.20247701.0002>
- Сидоров, А. А. (2025). Проблемы и пути доступа России на товарные рынки стран дальнего зарубежья. *Мировая экономика и международные отношения*, 69(3), 26–37. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2025-69-3-26-37>
- Спартак, А. Н. (2022). Переход к новому мировому экономическому порядку: этапы, ключевые черты, вызовы и решения для России. *Российский внешнеэкономический вестник*, 7(7), 7–29. <https://doi.org/10.24412/2072-8042-2022-7-7-29>
- Сюй, П., Чжао, Х. (2025). Геоэкономические приоритеты и новые акценты партнерства России и Китая в меняющемся мировом порядке. *Экономика региона*, 21(3), 599–609. <https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2025-3-2>
- Тарасов, А. Г., Ишуков, А. А. (2023). Многополярность как основная характеристика постглобального мира: поиск экономических ориентиров новой модели. *Международная торговля и торговая политика*, 9(1(33)), 74–89. <https://doi.org/10.21686/2410-7395-2023-1-74-89>
- Хэ, М., Шкваря, Л. В., Ван, С. (2020). Китай: социально-экономическое развитие и внешняя торговля. *Азия и Африка сегодня*, 11(11), 11–16. <https://doi.org/10.31857/S032150750012178-7>
- Чухарев, А. В. (2024). Потенциал и географическое распределение потоков российского зернового экспорта (по регионам мира). *Россия и Азия*, 1(27), 31–44.
- Шкваря, Л. В., Хэ, М., Красных, С. С. (2025). Перспективы китайско-африканских торговых отношений в контексте трансформации глобальной системы торговли. *Экономика региона*, 21(3), 672–685. <https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2025-3-7>
- Allen, C., Graciela, M., & Wiedmann, T. (2016). National pathways to the sustainable development goals (SDGs): A comparative review of scenario modelling tools. *Environmental Science & Policy*, 66, 199–207. <https://doi.org/10.1016/j.envsci.2016.09.008>
- Çela, A., & Hysa, E. (2021). Impact of political instability on economic growth in CEE countries. *Ekonomika Regiona [Economy of Region]*, 17(2), 582–592. <https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2021-2-16>
- Dellink, R., Chateau, J., Lanzi, E., & Magné, B. (2017). Long-term economic growth projections in the shared socioeconomic pathways. *Global Environmental Change*, 42, 200–214. <https://doi.org/10.1016/j.gloenvcha.2015.06.004>
- Derkenbaeva, S., Galushkina, E., Soodonbekova, A., Beksultanov, A., & Kozubekova, S. (2025). Impact of global economic instability on social policies: Adaptation and resilience strategies. *Social Sciences & Humanities Open*, 12. <https://doi.org/10.1016/j.ssaho.2025.101946>
- Gopalakrishnan, B. N., Chakravarthy, S. L., Tewary, T., & Jain, V. (2022). Isolating China: Deglobalisation and its impact on global value chains. *Foreign Trade Review*, 57(4), 390–407. <https://doi.org/10.1177/00157325211045463>
- Jixiang, G., & Jing, J. (2022). Scientific, technological and innovation cooperation between China and Russia in the New Era: Reshaping the model and choosing an approach from the perspective of Chinese experts. *Studies on Russian Economic Development*, 33, 656–662. <https://doi.org/10.1134/S1075700722060053>
- Karmakar, A. K., Jana, S. K., & Bagchi, P. (2024). Financial crises and instability viewed from economic and international political economy perspectives. In *International Trade, Economic Crisis and the Sustainable Development* (pp. 75–85). Leeds: Emerald Publishing Limited. <https://doi.org/10.1108/978-1-83753-586-620241005>
- Li, Y. (2018). The greater Eurasian partnership and the Belt and Road Initiative: Can the two be linked? *Journal of Eurasian Studies*, 9(2), 94–99. <https://doi.org/10.1016/j.euras.2018.07.004>

- Lomanov, A. V. (2025). Chinese civilizational alternative to the Western development model. *Russia in Global Affairs*, 23(3), 70–89. <https://doi.org/10.31278/1810-6374-2025-23-3-70-89>
- Morales, L., Andreosso-O'Callaghan, B., Rajmil, D., & Sarwar, S. (2025). The global economic and political landscape through the lenses of multiple and multifaceted crises. In *Geoeconomics of the Sustainable Development Goals* (pp. 67–82). London: Routledge.
- Meng, G., Wang, R., & Wang, S. (2023). A review of China's overseas economic and trade cooperation zones along the Belt and Road: Progress and prospects. *Journal of Geographical Sciences*, 33, 1505–1526. <https://doi.org/10.1007/s11442-023-2140-8>
- Moyer, J. D., & Hedden, S. (2022). Are we on the right path to achieve the sustainable development goals? *World Development*, 127, 104749. <https://doi.org/10.1016/j.worlddev.2019.104749>
- Quium, A. (2019). Transport corridors for wider socioeconomic development. *Sustainability*, 11(19), 5248. <https://doi.org/10.3390/su11195248>
- Stavytskyy, A., & Dligach, A. (2025). The global economic model in crisis: An analysis of the obstacles to the sustainable development goals. *Sustainability*, 17(19), 8537. <https://doi.org/10.3390/su17198537>
- Wei, W., Li, Q., Yu, Z., Wang, Y., & Wang, H. (2025). Study on measurement and influencing factors of trade embodied carbon based on China-Russia agricultural products trade. *Polish Journal of Environmental Studies*, 33(5), 5381–5390. <https://doi.org/10.15244/pjoes/183075>
- Zhang, Y., Tian, K., Li, X., Jiang, X., & Yang, C. (2022). From globalization to regionalization? Assessing its potential environmental and economic effects. *Applied Energy*, 310, 118642. <https://doi.org/10.1016/j.apenergy.2022.118642>

References

- Allen, C., Graciela, M., & Wiedmann, T. (2016). National Pathways to the Sustainable Development Goals (SDGs): A Comparative Review of Scenario Modelling Tools. *Environmental Science & Policy*, 66, 199–207. <https://doi.org/10.1016/j.envsci.2016.09.008>
- Andreeva, E. L., Ratner, A. V., & Ilyasov, P. V. (2025). The Role of Russia and China in Shaping the Integration Contours of the Greater Eurasian Partnership. *Ekonomika regiona [Economy of Regions]*, 21(3), 630–642. <https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2025-3-4> (In Russ.)
- Babaev, K. V. (2024). The Idea of Greater Eurasia and the Russian Economy's Turn to the East. *Ekonomika Tsentral'noi Azii [Journal of Central Asia Economy]*, 8(2), 91–110. <https://doi.org/10.18334/asia.8.2.121012> (In Russ.)
- Bedrina, E. B., & Gao, N. (2022). Empirical Analysis of Trade Development Between China and Russia. *Rossiia i Aziya [Russia and Asia]*, 6(20), 30–37. (In Russ.)
- Çela, A., & Hysa, E. (2021). Impact of Political Instability on Economic Growth in CEE Countries. *Ekonomika Regiona [Economy of Regions]*, 17(2), 582–592. <https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2021-2-16>
- Chukharev, A. V. (2024). Capacity and Geographical Directions of Russian Grain Export Flows (Regions Overview). *Rossiia i Aziya [Russia and Asia]*, 1(27), 31–44. (In Russ.)
- Dellink, R., Chateau, J., Lanzi, E., & Magné, B. (2017). Long-Term Economic Growth Projections in the Shared Socioeconomic Pathways. *Global Environmental Change*, 42, 200–214. <https://doi.org/10.1016/j.gloenvcha.2015.06.004>
- Denisov, I. E. (2025). Legal Support of China's Foreign Policy: Strengthening Global Status and Protecting National Interests. *Mirovaya Ekonomika i Mezhdunarodnye Otnosheniya [World Economy and International Relations]*, 69(1), 17–29. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2025-69-1-17-29> (In Russ.)
- Derkenbaeva, S., Galushkina, E., Soodonbekova, A., Beksultanov, A., & Kozubekova, S. (2025). Impact of Global Economic Instability on Social Policies: Adaptation and Resilience Strategies. *Social Sciences & Humanities Open*, 12. <https://doi.org/10.1016/j.ssaho.2025.101946>
- Gerasimov, V. I., & Kodaneva, S. I. (2023). Greater Eurasia: National and Civilizational Aspects of Development and Cooperation. *Vek Globalizatsii [Age of Globalization]*, 2(46), 90–101. <https://doi.org/10.30884/vglob/2023.02.08> (In Russ.)
- Gopalakrishnan, B. N., Chakravarthy, S. L., Tewary, T., & Jain, V. (2022). Isolating China: Deglobalisation and Its Impact on Global Value Chains. *Foreign Trade Review*, 57(4), 390–407. <https://doi.org/10.1177/00157325211045463>
- He, M., Shkvaria, L., & Wang, S. (2020). China: Socio-Economic Development and Foreign Trade. *Aziya i Afrika Segodnya [Asia and Africa Today]*, 11, 11–16. <https://doi.org/10.31857/S032150750012178-7> (In Russ.)
- Jixiang, G., & Jing, J. (2022). Scientific, Technological and Innovation Cooperation Between China and Russia in the New Era: Reshaping the Model and Choosing an Approach from the Perspective of Chinese Experts. *Studies on Russian Economic Development*, 33, 656–662. <https://doi.org/10.1134/S1075700722060053>
- Karmakar, A. K., Jana, S. K., & Bagchi, P. (2024). Financial Crises and Instability Viewed from Economic and International Political Economy Perspectives. In *International Trade, Economic Crisis and the Sustainable Development* (pp. 75–85). Leeds: Emerald Publishing Limited. <https://doi.org/10.1108/978-1-83753-586-620241005>
- Kuznetsov, V. I., Larionova, E. I., Chinaeva, T. I. (2021). Analysis of China's Economy in the 21st century. *Statistika i Ekonomika [Statistics and Economics]*, 18(2), 57–70. <https://doi.org/10.21686/2500-3925-2021-2-57-70> (In Russ.)
- Li, Y. (2018). The Greater Eurasian Partnership and the Belt and Road Initiative: Can the Two be linked? *Journal of Eurasian Studies*, 9(2), 94–99. <https://doi.org/10.1016/j.euras.2018.07.004>

- Lomanov, A. V. (2025). Chinese Civilizational Alternative to the Western Development Model. *Russia in Global Affairs*, 23(3), 70–89. <https://doi.org/10.31278/1810-6374-2025-23-3-70-89>
- Lukonin, S., & Vakhrushin, I. (2023). Russian–Chinese Trade and Economic Cooperation Amid Anti-Russian Sanctions. *Rossiia i ATR [Russia and the Pacific]*, 1(119), 160–180. <https://doi.org/10.24412/1026-8804-2023-1-160-180> (In Russ.)
- Makeeva, S. B. (2020). The Modern Stage of the History of Inter-Regional Russian-Chinese Cooperation in the Conditions of Regionalization. *Izvestiya Saratovskogo Universiteta. Novaya Seriya. Seriya: Istorija. Mezhdunarodnye Otnosheniya [Izvestiya of Saratov University. History. International Relations]*, 20(3), 382–387. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2020-20-3-382-387> (In Russ.)
- Meng, G., Wang, R., & Wang, S. (2023). A Review of China's Overseas Economic and Trade Cooperation Zones Along the Belt and Road: Progress and Prospects. *Journal of Geographical Sciences*, 33, 1505–1526. <https://doi.org/10.1007/s11442-023-2140-8>
- Mirolyubova, A. A., Xie, X., & Balakin, M. A. (2024). China's Economy: Assessment and Development Strategy. *Sovremennye Naukoemkie Tekhnologii. Regional'noe Prilozhenie [Modern High Technologies. Regional Application]*, 1(77), 11–17. <https://doi.org/10.6060/snt.20247701.0002> (In Russ.)
- Morales, L., AndreossoO'Callaghan, B., Rajmil, D., & Sarwar, S. (2025). The Global Economic and Political Landscape Through the Lenses of Multiple and Multifaceted Crises. In *Geoeconomics of the Sustainable Development Goals* (pp. 67–82). London: Routledge.
- Moyer, J. D., & Hedden, S. (2022). Are We on the Right Path to Achieve the Sustainable Development Goals? *World Development*, 127, 104749. <https://doi.org/10.1016/j.worlddev.2019.104749>
- Quium, A. (2019). Transport Corridors for Wider SocioEconomic Development. *Sustainability*, 11(19), 5248. <https://doi.org/10.3390/su11195248>
- Shkvarya, L. V., He, M., & Krasnykh, S. S. (2025). Sino-African Trade Relations: A Factor Analysis in the Context of the Transformation of the Global Trading System. *Ekonomika regiona [Economy of Regions]*, 21(3), 672–685. <https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2025-3-7> (In Russ.)
- Sidorov, A. A. (2025). Problems and Ways of Russia's Access to Non-Cis Countries Product Markets. *Mirovaya Ekonomika i Mezhdunarodnye Otnosheniya [World Economy and International Relations]*, 69(3), 26–37. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2025-69-3-26-37> (In Russ.)
- Spartak, A. N. (2022). Transition to the New World Economic Order: Essential Stages, Basic Features, Challenges and Policies for Russia. *Rossiiskii Vneshneekonomicheskii Vestnik [Russian Foreign Economic Journal]*, (7), 7–29. <https://doi.org/10.24412/2072-8042-2022-7-7-29> (In Russ.)
- Stavytskyy, A., & Dligach, A. (2025). The Global Economic Model in Crisis: An Analysis of the Obstacles to the Sustainable Development Goals. *Sustainability*, 17(19), 8537. <https://doi.org/10.3390/su17198537>
- Tarasov, A. G., & Ishukov, A. A. (2023). Multipolarity as the Main Characteristic of the Post-Global World: Searching for New Model Economic Outlines. *Mezhdunarodnaya Torgovlya i Torgovaya Politika [International Trade and Trade Policy]*, 9(1(33)), 74–89. <https://doi.org/10.21686/2410-7395-2023-1-74-89> (In Russ.)
- Wei, W., Li, Q., Yu, Z., Wang, Y., & Wang, H. (2025). Study on Measurement and Influencing Factors of Trade Embodied Carbon Based on China-Russia Agricultural Products Trade. *Polish Journal of Environmental Studies*, 33(5), 5381–5390. <https://doi.org/10.15244/pjoes/183075>
- Xu, P., & Zhao, H. (2025). Geo-Economic Priorities and New Emphasis in the Partnership Between China and Russia in Changing World Order. *Ekonomika regiona [Economy of Regions]*, 21(3), 599–609. <https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2025-3-2> (In Russ.)
- Zhang, Y., Tian, K., Li, X., Jiang, X., & Yang, C. (2022). From Globalization to Regionalization? Assessing its Potential Environmental and Economic Effects. *Applied Energy*, 310, 118642. <https://doi.org/10.1016/j.apenergy.2022.118642>

Информация об авторах

Шкваря Людмила Васильевна — доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры мировой экономики, Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова; Scopus Author ID: 57190292841; <https://orcid.org/0000-0001-6653-939X> (Российская Федерация, 109992, г. Москва, Стремянный переулок, д. 36; e-mail: destard@rambler.ru).

Андреева Елена Леонидовна — доктор экономических наук, профессор, руководитель центра региональных компаративных исследований, Институт экономики УрО РАН; Scopus Author ID: 56211711000; <https://orcid.org/0000-0003-4975-0905> (Российская Федерация, 620014, г. Екатеринбург, ул. Московская, 29; e-mail: andreeva.el@uiec.ru).

Красных Сергей Сергеевич — кандидат экономических наук, старший научный сотрудник центра региональных компаративных исследований, Институт экономики УрО РАН; Scopus Author ID: 57206903S51; <https://orcid.org/0000-0002-2692-5656> (Российская Федерация, 620014, г. Екатеринбург, ул. Московская, д. 29; e-mail: krasnykh.ss@uiec.ru).

About the authors

Lyudmila V. Shkvarya — Dr. Sci. (Econ.), Professor, Professor of the Department of World Economy, Plekhanov Russian University of Economics; Scopus Author ID: 57190292841; <https://orcid.org/0000-0001-6653-939X> (36, Stremyanny lane, Moscow, 109992, Russian Federation; e-mail: destard@rambler.ru).

Elena L. Andreeva — Dr. Sci. (Econ.), Professor, Head of the Centre of Regional Comparative Studies, Institute of Economics of the Ural Branch of RAS; Scopus Author ID: 56211711000; <https://orcid.org/0000-0003-4975-0905> (29, Moskovskaya St., Ekaterinburg, 620014, Russian Federation; e-mail: andreeva.el@uiec.ru).

Sergey S. Krasnykh — Cand. Sci. (Econ.), Senior Research Associate, Centre for Regional Comparative Studies, Institute of Economics of the Ural Branch of RAS; Scopus Author ID: 57206903S51; <https://orcid.org/0000-0002-2692-5656> (29, Moskovskaya St., Ekaterinburg, 620014, Russian Federation; e-mail: krasnykh.ss@uiec.ru).

Использование средств ИИ

Авторы заявляют о том, что при написании этой статьи не применялись средства генеративного искусственного интеллекта.

Use of AI tools declaration

The authors declare that they have not used Artificial Intelligence (AI) tools for the creation of this article.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The authors declare no conflict of interests.

Дата поступления рукописи: 02.02.2026.

Прошла рецензирование: 06.04.2026.

Принято решение о публикации: 03.07.2026.

Received: 02 Feb 2026.

Reviewed: 06 Apr 2026.

Accepted: 03 Jul 2026.